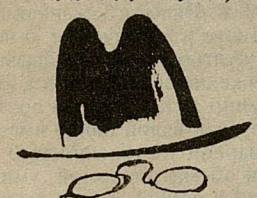

15.5.96.

Демидова Алла

2-й Международный
театральный фестиваль
имени А.Н.Чехова

Заметки
на программке

ДЕМИДОВА играла на сцене Театра имени А.С.Пушкина. Перед началом критики оживленно вспоминали Таирова и Коонен, обсуждали пристрастия актрисы к античным сюжетам, неожиданный взлет Л.Селютиной, сыгравшей Медею на Таганке. Готовились сравнивать. Но спектакль сравнивать

В вечности утрачено...

“Медея” с Аллой Демидовой
в постановке Теодора Терзопулоса.
Театр “Аттис” (Афины) и Театр “А” (Москва)

оказалось не с чем. Это новый и, кажется, единственно верный нынче способ донесения и осовременивания (в лучшем смысле) греческой архаики. Если же от неожиданности часть российской публики приняла действо за чистое эстетство, то к Демидовой и Терзопулосу это отношения не имеет. Это “наши проблемы”.

Постановкам Терзопулоса присуща какая-то особая пластическая ясность. В Медее Демидовой ничто не напоминает ту нахохленную птицу, которой казалась иногда ее Электра. Медея – древний, величественный Феникс. Жесткого режиссерского рисунка в спектакле нет. Но атмосфера эстетического напряжения та же, что в “Персах” и в “Квартете”. И стиль оформления, несмотря на дебют сценографа Е.Худолидиса, удивительно напоминает стиль “Квартета”.

“Спектакль пока еще находится в

развитии. Однако следует говорить не о “Медее” с Аллой Демидовой, а о “Медее” Аллы Демидовой. Современные исполнители больших ролей в древнегреческих трагедиях зашли в тупик. Уже десятилетие имеется конкретный выразительный язык для исполнения Электры, Медеи и т.д. Но он не имеет отношения ни к древнегреческому тексту, ни к нашему происхождению. И никто не прилагает усилий, чтобы все это осовременить. Медея – Алла – вызов. Она проложила дорогу новому видению этой героини”, – сказал Теодор Терзопулос на пресс-конференции на следующий день после спектакля.

...Когда-то давно ради любви к Ясону она предала Колхиду, убила брата. Имена Ясона отрезвила ее и – свела с ума. Произошло это не сейчас, а когда-то, может быть, очень давно. Для воспа-

ленного сознания Медеи времени не существует. Как Данаиды наполняют бездонный сосуд, как Сизиф катит свой камень, так и она бесконечно бранится с Ясоном, требует с него долг – погибшего брата, потом начинает сызнова – тонким, пронзительным, как луч солнца, голосом спрашивает у кормилицы: “Где муж мой?” Так она карает себя за предательство. Голоса Ясона и няни остались только в ее памяти. Их звуки вырываются из ее горла. Лопающийся от самодовольства Ясон, скрежещущая древность няни. Сознание этой Медеи мутно и изменчиво, как река; одна сущность прорастает сквозь другую, любая строчка может получить ритм танца. Она меняется внешне – срывает, как кожу, греческую повязку и накидку, оказывается в свадебном наряде грузинской царевны (костюмная партитура важна для Демидовой не менее, чем остальное). Она ликует, предвкушая месть сопернице. Она хочет ощутить ее мучительную смерть своим телом. Больше притворяться нечего – она не эллина, она варварка. Она танцует. Детский доверчивый голос переходит в визг, рычание и стон рожающей самки. Если зритель, понимающий по-русски, внимательно слушает текст, то истеричность и животность некоторых интонаций покажутся ему невыносимыми и разрушительными (чего стоит глумливым, тонким – в тон открываемой

музыкальной шкатулочке – голосом заданный вопрос: “Ты любишь ли детей своих, Ясон?”). Так говорят только чудовища. Чтобы воспринять этот спектакль адекватно замыслу, надо заставить свое сознание отступить на шаг назад – забыть (или не слушать) язык. Современный словесный эквивалент архаичной пьесе Еврипида найти невозможно. Суть “Медеи” – в ее мелодии, дробящейся на сотни звуков и полутонов, исторгаемых одним горлом. Непонимание языка, восприятие чисто интонационное делает каждый символ намного объемней.

Фрагменты пьесы Х.Мюллера “Медея: материал” – первая часть спектакля – задают тон некоей отстраненности от происходящего. Иногда это отстранение кажется зловещей пародией, комикованием: слишком “сказочные” голоса няни и Ясона, запись смеха детей – какого-то булькающего, точно уже с перерезанным горлом; нестерпимо естественное, по-сумасшедшему веселое обращение в зал: “Хотите поглядеть, как загорится Отцовская невеста?..” (словно: “Хотите чаю с шоколадной конфетой?”). Частые и мгновенные проблески рассудка ощущение гротеска лишь усиливают. Чуть позже Медея подводит итог: “Моя игра – комедия...”

Были ли у этой Медеи дети? В вечности утрачено. Были поруганная Колхидя, предательство Ясона. Детей она могла

выдумать. Дети – как невозможность довершить до конца месть Ясону. Перешагнуть через них она не может. Осознание их гибели повторяется. Как сгустки крови из раскрытой вены, пульсирующая память снова и снова избывает из себя страшные картины: “Что? Вытекла вся кровь?..” В “Медее” Мюллера откат назад происходит дважды. Прозрение. Сущность и внутренний ритм мгновенно меняются. Монологи Еврипида в переводе И.Анненского звучат как сплошное причитание, прерываемое бешеным от собственной нерешительности. Похоже, этому не будет конца. Сейчас она начнет сызнова и захлебнется. Но... у Медеи нет больше слов и звуков, чтобы передать ужас своей судьбы. Последний – безмолвный – вопль становится вершиной и облегчением. Тысячелетиями длящееся наказание окончено. Она свободна. Серый, свернутый из пепла кокон спускается к ней. Она сейчас исчезнет. Она – внучка Бога Солнца.

“Мне интереснее играть перед зрителями, которые не понимают язык. Трагедию надо воспринимать другими органами, чем слова”, – говорит Демидова. Премьера “Медеи” состоялась в Афинах. После Москвы спектакль ждут в Константинополе, Испании и Японии. Вернется ли он к нам? Где и когда закончат свои дни? Для Демидовой это, кажется, не важно. Это важно для нас.

Алла ШЕНДЕРОВА

Лист. 2 аф. – 1996. – 15 мая. – с. 8

175
330